

Эфендиева Л. Э.

Азербайджанский университет языков

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ И СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛОВЕСНЫХ ЗНАКОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ця стаття присвячена актуальній в сучасному мовознавстві темі. У ній на матеріалі англійської мови розглянуті такі поняття: «словесний знак», «лексема», «лексичні значення окремих слів», «лексико-семантична різновид» і деякі інші. Але центром названих понять є «словесний знак», що повністю відповідає як назвою роботи, так і задумом автора. Перевагою статті, безперечно, є її виборча спрямованість. Тобто автор ясно віддає собі звіт в тому, що кількість словесних знаків в сучасній англійській мові (як, втім, і в багатьох інших) колосально, можна навіть сказати – нескінченно. Тому, намагаючись осягнути неосяжне, автор підходить до семантики і способів вираження словесних знаків в сучасній англійській мові з позиції тих спеціально відібраних одиниць, що представляють собою фрагмент певної концепції розкриття їх значень. Це положення доводиться всім ходом статті. У зв'язку з таким підходом ця стаття структурована таким чином: спочатку увага автора зосереджена на такому фрагменті концепції розкриття значення слова, що представлено лексикою заборони і дозволу, ідентифікована як антиномії довіри / недовіри. Це, зрозуміло, антоніми, і на прикладі цієї дихотомії показано конкретне застосування цілого ряду словесних знаків в тексті у вигляді декількох інваріантів. В одних випадках при розкритті значень слів зафіксовано збіг з головним варіантом; в інших – вони розходяться. У відповідності з різними варіантами показані як точки дотику, так і відмінності. Вдалою знахідкою можна вважати звернення автора статті до дисертації Є. Князевої, яка відрізняється певною науковою новизною від багатьох інших робіт. Однак ніякого копіювання тут зовсім не помічено, і теоретичні положення, висунуті вченим у цій роботі на захист, трактуються самостійно. Разом з тим, спираючись на деякі витяги з автореферату дисертації Є. Князевої, автор у самому кінці статті робить відповідні узагальнення про такий спосіб вираження словесних знаків, як час і простір.

Ключові слова: слово, знак, парадигматика, семіотика, сигніфікат, номінатив, диференціація, інтеграція, конкретизація, узагальнення, концепція.

Постановка проблеми. Словесный знак – это сочетание букв, морфем или отдельных слов. Когда говорят о знаковой сути слов, то прежде всего выделяют их внешнюю, фонологическую (то есть звуковую) и внутреннюю (семантическую) стороны. Эти понятия связаны между собой неразрывной цепью. Вместе с тем внешние и внутренние стороны словесного знака, как правило, не предполагают максимально выраженного параллелизма, хотя формальное и содержательное в нём образует прочное единство. Однако конкретно в речи (причём не только в английском, но практически в любом современном языке) чаще не наблюдается полного соответствия одного понятия – другому. Так что отмеченное единство отнюдь не абсолютно, но, скорее всего, относительно. Это происходит, главным образом, по той причине, что такое единство при необходимости может быть в речи нарушено.

Изложение основного материал. Словесный знак следует отличать от словосочетаний и тем более предложений. Особенность знаковой формы (точнее, звуковой или графической последовательности) является способность вмещать в себя ряд номинаций. К примеру, рассмотрение в парадигматике современного английского языка словоизменительных морфем приводит лингвистов к выводу о возможности совмещения в них нескольких лексико-грамматических значений. В таких случаях учёные говорят о семантическом минимуме, с одной стороны, и максимуме – с другой. Поясним. В первом случае словесные знаки моносемантичны. Скажем, в английском глаголе морфема «-s» всегда обозначает третье лицо единственного числа. Во втором – «to break» без наличия указанной морфемы ясно, что помимо исконно грамматического, этот глагол имеет также и множество различных семантических значений.

А именно: «ломать», «нарушать», «разрывать», «ослабевать», «прерывать», «начинаться», «врываться», «разразиться».

Однако они вовсе не равноценны друг другу. Нетрудно видеть, насколько широко и многообразно семантическое поле на примере этого глагола. Он обнаруживает сложность и богатство нескольких концепто-сфер одновременно. Так, в значении «начинаться» данный словесный знак указывает на начало действия, точнее, на «временные отношения». «Разразиться» – образ действия (скандал) и природную стихию (разразилась гроза.) «Ломать» и «нарушать» относятся к синонимичным глаголам с общим значением «разрушения». В то же время глаголы «ослабевать» и «прерывать» выражают совершенно разные значения. Таким образом, полисеманτικότητα здесь налицо. Однако в любом случае учёные чаще всего отталкиваются от объективных причин и способов функционирования словесных знаков.

По этому поводу В.Н. Ярцева, Г.В. Колшанский и В.Н. Телия фиксируют: «Главнейшей функциональной особенностью словесных знаков в любом языке являются процессы объективации. Они включают в себя различные уровни дифференциации и интегрирования, конкретизацию и обобщение тех мыслительных операций, которые исторически закреплены за тем или иным знаком. Эта область человеческого сознания, которое фиксирует результаты познавательной-мыслительной деятельности по отделению одних словесных знаков от других, а также их обобщенное значение содержание, отображающее предметы, их признаки и связи окружающей действительности» [7, с. 70].

В любом современном языке словесные знаки по природе своей носят двойственный характер. С одной стороны, как инструмент обобщения, они выражают абстрагированное познание предметов и явлений в реальном мире. С другой – это сам процесс формирования мыслей и соответственно выражение разных интенций со стороны как говорящего, так и слушающего в ходе взаимного общения. Тем самым словесные знаки обретают индивидуальность. Понятно, что слово среди них – это главный признак, обладающий особой семиологической ценностью.

Что это означает? Словесные знаки, во-первых, имеют сигнификативную (обобщающую функцию), во-вторых, номинативную (назывную), в-третьих, коммуникативную (сообщение), в-четвёртых, эмотивную (эмоционально-экспрессивную), в-пятых, прагматическую (выражение определенных чувств, связанных с переживани-

ями говорящего или слушающего. Перечисленное свидетельствует о бесконечном многообразии свойствах словесных знаков. Видный лингвист С.О. Карцевский в своё время писал: «Будь словесные знаки неподвижными, выполняющими лишь одну единственную функцию, то язык был бы похож на простое собрание этикеток. Одновременно с тем нам трудно представить себе, чтобы их подвижность могла быть достигнута такой степени, что выходило бы за пределы конкретных и реальных ситуаций. Значит, по природе своей лингвистические знаки должны быть как неизменными, так и неподвижными, почти что застывшими одновременно. Таким образом, приспособляясь к конкретным ситуациям, словесные знаки могут изменяться лишь отчасти; и-за неподвижности одной части своей эти знаки остаются тождественными самим себе» [4, с. 85].

Опираясь на отмеченное, попытаемся вкратце (в рамках небольшой статьи) рассмотреть функционирование словесных знаков в современном английском языке с выделением наиболее ярких семантических особенностей. Одними из наиболее иллюстративных, на наш взгляд, являются английские словесные знаки, которые представляет собой весьма богатый арсенал всевозможных конвенциональных ориентаций. Большой и разнообразный потенциал таких знаков мы обнаруживаем, к примеру, при актуализации дихотомии концепта «запрета/разрешения». Чаще всего его можно встретить в Великобритании на плакатах, вывесках, выставках, печатных объявлениях. В сугубо же лингвистическом отношении он, как правило, реализуется на вербальном уровне. Причём ниже мы покажем, что запреты и разрешения имеют широкий спектр разнообразных семантических значений и чаще всего характеризуется многоаспектностью в зависимости от прагматики и контекста. Приведём примеры:

DO NOT ENTER, MILITARY AREA; No smoking»; DO NOT SMOKE!; This is a no-smoking area; Smoking prohibited; Please, check the size of your handbag. If it doesn't fit into the frame, the baggage has to be checked via check-in counter; Don't leave your valuables and money inside the dressing cubicles or changing rooms For only 30 cents you can hire a locker to keep your personal belonging safe. И последнее: You will find them in the central hall, next to hair dryers. Don't have your fun spoilt! [4, с. 37–38].

Несмотря на внешнюю идентичность запретов, каждое из словосочетаний (и тем более предложений) имеет индивидуальную окраску. Так, не вхо-

дить в театр (скажем, в хрестоматийном значенні: після третього звонка) носить характер не стільки заперта (так як об цьому всім хорошо известно), скільки заблаговременного и вежливого обращения к зрителям.

Напротив, в качестве категорического предупреждения звучат слова «НЕ ВХОДИТЕ» с добавлением «ВОЕННАЯ ЗОНА». Очевидно, что этот запрет нарушать нельзя, так как влечёт за собой суровое наказание. Далее, выражения «НЕ КУРИТЬ!»; «Курение запрещено» и «Это зона для некурящих» могут быть выстроены как синонимическая цепочка. Однако и эти три запрета имеют собственный спектр значений, прежде всего связанных со сферой своего употребления.

Хотя они реализуется на вербальном уровне и чаще представлены не в печати либо устной английской речи, а визуально, маркеры категоричности варьируются от обиходного предупреждения курения в неположенных местах (роль контекста и языкового окружения в виде экстралингвистических средств здесь определяющая) – до максимума. В последнем случае решающим фактором при раскрытии значений данного словесного знака становится обстановка (к примеру, запрет на курение в самолётах, где это обоснованно запрещено и грозит штрафом).

В первом из двух последующих предложений запрет связан с разъяснением правил, которые нельзя нарушать уже вне зависимости от обстановки/ситуации, и в то же время предоставляется альтернативный вариант. А именно, в данном случае в качестве дополнительного языкового средства использовано сочетание наречия с глаголом в инфинитивной форме, («...необходимо зарегистрировать»), а выражение целиком приобретает модальный оттенок долженствования. Наконец, во втором предложении запрет на оставление ценных вещей и денег мотивирован равноправной возможностью приобретения специального «шкафчика для их хранения». Более того, вербальное сообщение дополнено фрагментом текста «Не испортите себе веселье!», по существу идущим вразрез с запретом как таковым и открыто противоречащим другими приведённым нами видам.

Осложним ситуацию введением смежного словесного знака. Напоминаем, что выше нами было заявлено: концепт запрета можно рассматривать и в дихотомии с разрешением. В этой связи небезынтересным представляется мнение двух видных современных учёных – Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина, которые пишут о некоторых семах, в особо выделяя «доверие/недоверие», синонимичную

запрету/разрешению. Они, в частности, указывают: «Текстовая эмотивная семантика порою обнаруживает необычайное богатство различных эмоциональных оттенков. Непосредственно в контексте они репрезентируются в форме тех словесных знаков, суть которых раскрывается в зависимости от авторского замысла. Среди них полярными по смыслу и назначению являются возбуждение и покой, ненависть и любовь, запрет и разрешение, доверие и недоверие и многие другие» [1, с. 124–125]. В дальнейшем названные лингвисты подробно анализируют целый ряд словесных знаков, в том числе и тех, о которых мы писали. Показательно, что к этой точке зрения склоняются и некоторые другие языковеды (Л.Я. Гинзбург, В.И. Постовалова, В.А. Кухаренко).

Какими же семантическими признаками обладает последний из названных словесных знаков, полярных «запрету»? Оказывается, он тоже имеет ряд отличительных особенностей. И так, при исследовании первого словесного знака можно было видеть цепь разных смыслов, включённых в содержательные структуры различной интенсивности: от предупреждения – до категорического отказа. Его полярный знак также насыщен зарядом большой эмоциональной силы, но с противоположным смыслом. Вероятно, это будет выглядеть более информативным, если включить второй словесный знак в контекст.

Нам удалось обнаружить искомую дихотомию с ключевыми семами «разрешения», или «доверия», в частности на материале англоязычного романа «Judge, Jury and executioner» известного азербайджанского писателя Чингиза Абдуллаева. В этом произведении один из персонажей выражает недоверие, вызванное необдуманными и необоснованными действиями сотрудника фирмы Джорджа в связи с расследованием уголовного дела. В романе есть фрагмент, базирующийся на запрете главы фирмы начать следствие без предварительной подготовки с помощью многократно повторяемого словесного знака «Don't touch».

Далее, следуют лексема «prohibition», варьирующаяся в различных оттенках. С каждым новым витком недоверия всё чаще выявляется нечистоплотность Джорджа, сопровождающаяся словесными знаками в виде запретов, связанных с потерей доверия. Но так как знак «доверие» в толковании упомянутых лингвистов максимально приближен к «разрешению», противоположному по смыслу «запрета», то далее по тексту следует (trusting him). Это означает высшее проявление признака полного доверия как призна-

тельности, трансформирующееся в разрешение на проведение расследования. Симптоматично, что в романе эти понятия сначала сближаются, а затем и вовсе идентифицируются. А именно, когда в дело вступает главное действующее лицо произведения – Дронго, то следует характерная реплика главы фирмы, как бы синтезирующая оба словесных знака: «I don't think so», the former statesman shook his head. «You said yourself that he's that a professional. He'll realize that Aldini's case isn't that simple. Both bankers were taken out after he gave us their names. Aldini would need to have an entire organization at his disposal to do away which them to quickly» [8, с. 8].

Несмотря на отмеченный факт, что словесные знаки имеют собственный рисунок, отдельные лингвисты нередко склоняются к мысли о некоторых их параметрах, позволяющих выделить общее. Так, Б.А. Серебренников в одной из своих монографий указывал, что «в словесных знаках, помимо индивидуальных признаков, порою возможно обнаружить нечто устойчивое, позволяющее им остаться почти тождественным самим себе в синхронном и историческом плане». По мнению учёного, «в словесных знаках выделяются и постоянные, константные величины: это форма знаков, последовательность графем и звуков. С этим связана такая их особенность, как слияние с наиболее общими значениями (Б. Серебренников называет это явление «прозрачностью значения»). Вот почему люди, воспринимающие словесные знаки, как правило, не обращают специального внимания на их материальные стороны» [6, с. 135–136].

В таком случае, на наш взгляд, возникает резонный вопрос: а на что же тогда обращает внимание человек, сталкиваясь с использованием в текстах словесных знаков в их различных, а порою и диаметрально противоположных функциях? Чтобы это отчасти выяснить, после дихотомии запрета/разрешения на материале романа Чингиза Абдуллаева «Суд неправых» (в английском переводе) обратимся к лингвистическому анализу отдельных фрагментов одной из поэм Т. Элиота. В контексте его широко известного сочинения «Бесплодная земля» имеется ряд словесных знаков, которые следует воспринимать далеко не однозначно. Точнее, самое первое, естественное и, казалось бы, бросающееся в глаза значение (вспоминается «прозрачность» в трактовке Б. Серебренникова) не всегда оказывается главным, и уж тем более единственным. Возьмём, к примеру, такую единицу, как «wicked». (В

названной поэме она реализуется в следующем словосочетании: «a wicked pack of cards»). Если обратиться к словарю, то в нём прочтём значения: «злобный», «злой», «безнравственный»; «порочный». Причём, имеются и побочные значения: «wicked intents» – «коварный»; «wicked blow» или же «wicked wound» – «опасный»; «wicked odour» – «отвратный», «противный», «неприятный»; «wicked dog» – «свирепый». И т.д. Заметим, что последнее выражение, включающее все себя лексему «dog», употребляется и в просторечном значении. Например, в наречиях «страшно», «ужасно» «кошмарно» («a wicked hot day»). Встречается данный словесный знак и в американском жаргонном варианте. Скажем, как идиома «здорово она пляшет». («She shakes a wicked calf»).

Настаёт время объясниться. В языковом окружении поэмы Т. Элиота «a wicked» приобретает такие значения, как «грешный» или «нечестивый». Этот словесный знак в контексте многократно обыгрывается в виде выражений «wicked thoughts», «wicked world» или «the wicked one», что означает в переводе «сатана», «дьявол», нечистая сила. И т.п. Как говорится, «зловещий» характер словесных знаков здесь не вызывает сомнений. Одновременно с этим та же самая единица в прямом смысле превращается в словесный знак как своего рода маркер семиотики. Этот знак уже подвержен видоизменениям в плане не только формы, но и содержания. И в современном английском языке явление это вполне закономерное.

Его, в частности, достоверно поясняет О.Д. Вишнякова. В одной из своих статей она пишет: «Есть в английском и других языках такие словесные знаки, семантика которых тесно связана с употреблением специализированных языковых средств. Их первоначальное значение (если они, скажем, выхвачены из контекста и выступают в своём как бы изолированном виде) может подвергаться естественной трансформации. Необходимо подчеркнуть, что это достаточно сложный и неординарный процесс, свидетельствующий прежде всего о концентрации значений, присущих тому или иному словесному знаку. В результате таких необычных трансформаций в конкретном контексте происходит порождение новых смыслов; при этом видоизменяется, разумеется, и семантика этих знаков» [2, с. 14–15]. Положение, выдвигаемое О.Д. Вишняковой, по нашему мнению, несложно доказать, продолжив вышеуказанный пример из сочинения Т. Элиота. Так, возвращаясь к упомянутому центральному словесному знаку «wicked» и связанными с ним выражениями, при

внимательном прочтении можно подметить не только его негатив, но и откровенную авторскую иронию. Оказывается, по разному можно в данном случае расставлять акценты и приоритеты. Тот же лингвист в автореферате своей докторской диссертации зафиксировала: «Словесный знак «wicked», помимо своего основного значения «злой силы», обладает ещё и скрытой иронией, находящей своё выражение в некоторой отстраненности позиции рассказчика-повествователя, а также свидетельствующей о неуклонном «движении по линии нисходящей», которая непосредственно в контексте этой поэмы Т. Элиота разрушает первоначальную видимость столь серьёзного слога в повествовании» [3, с. 13–14].

Если продолжить мысль учёного, то (хотя бы и по словарным статьям) легко выяснится: «wicked» в произведении приобретает параллельный смысл героя «шаловливого», «задорного», «насмешливого», «озорного» и т.д. Как угодно – но никак не зловещего, связанного с сатаной, дьяволом и нечистой силой. По ходу повествования Элиот к основному словесному знаку нередко добавляет «wicked look» и «wicked boу», что недвусмысленно показывает авторскую иронию. Собственно говоря, это очень просто доказать. Существо дела заключается в том, что названное сочинение Т. Элиота относится к так называемому «плутовскому роману» с некоторыми жанровыми отклонениями от него. Но так как это составляет уже предмет литературного анализа, а не лингвистического исследования, то далее мы не станем распространяться в нашей статье на эту тему. Однако факт остаётся фактом. Один вариант, первоначально считавшийся основным, не всегда по контексту далее выдерживается в рамках того же значения; словесные знаки могут менять свою направленность.

Любопытную версию функционирования словесного знака предлагает на рассмотрение Е.О. Князева. В своей кандидатской диссертации она обращает основное внимание на то, что словесные знаки при определённой ситуации могут

выражать пространственные отношения. Ясно, что перед нами уже совершенно иной ракурс исследования, кстати, мимо которого, в частности, прошли и вышеназванные нами лингвисты. Говоря о концепции раскрытия значения отдельных слов непосредственно в контексте, Князева вводит такие понятия, как горизонтальные и вертикальные пространственные контекстные отношения. Исследователь, согласно своей идее, специально уподобляет их геометрическим фигурам, тем самым внося в языкознание элементы математической лингвистики. Е.О. Князева считает, что «словесные знаки, соответствующие разным геометрическим фигурам, при определённых условиях являют собой особую форму намеренной их расположенности в пространстве. В горизонтальном срезе словесные знаки располагаются по одной прямой и ключевым понятием становится «distance» или «distance away». При вертикальном расположении объектов в качестве стержневого понятия выступают словесные знаки «above» или «under» [5, с. 17–18]. Понятно, что учёный описывает функционирование отдельных словесных знаков фактически по элементарным математическим законам. В расчёт принимаются прежде всего две оси: горизонтальная и вертикальная.

Выводы. В заключение нашей статьи возьмём на себя смелость предположить следующее: тезис о горизонтальных и вертикальных срезах, соответствующих пространственно-временным отношениям в современном английском языке, в котором по-разному проявляют себя словесные знаки, к сожалению, до конца не раскрыт. Если бы Е. Князева объединила две программы в единое целое, то можно было добиться больше успехов при иллюстрации ею целого ряда примеров на английском языке. Вместе с тем не можем не отметить, что в её диссертации даже при раздельном восприятии пространственно-временных отношений объективно удалось показать богатство языковых знаков, в особенности когда она показывает их многократное использование в художественных текстах.

Список литературы:

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Москва : Наука-Флинта, 2006, 496 с.
2. Вишнякова О.Д. Когнитивный аспект взаимодействия лексического и грамматического в слове. *Средства языка и речи структура, семантика, функция, изучение. Межвузовский сборник научных трудов.* Тула, 1995. С. 12–17.
3. Вишнякова О.Д. Функциональные особенности языкового знака в языке и речи. (На материале современного английского языка) : автореф.: д-ра филол. наук. Москва, 2003, 44 с.
4. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. Москва : Наука, 2000, 189 с.
5. Князева Е.О. Словесный знак как способ выражения пространственных отношений в современном английском языке. Белгород, 2007. 32 с.

6. Серебренников Б.А. Общее языкознание. Москва : Наука, 1970. 287 с.
7. Ярцева В.Н., Колшанский Г.В., Телия В.Н. Принципы и методы семантических исследований. Москва : АН СССР. Институт языкознания, 1976. 380 с.
8. Abdullayev Chingiz. Judge, Jury and executioner. Baku : TEAS press, 2018, 223 p.

Efendiyeva L. E. ON THE QUESTION OF SEMANTICS AND WAYS OF EXPRESSING SOME WORD SIGNS IN MODERN ENGLISH LANGUAGE

This article is devoted to the topic that is relevant in modern linguistics. The following concepts are considered in it on the material of the English language: “verbal sign”, “lexeme”, “lexical meanings of individual words”, “lexico-semantic variety” and some others. But the center of these concepts is the “word sign”, which fully corresponds to both the title of the work and the author’s intention. The advantage of the article, undoubtedly, is its selective orientation. That is, the author is clearly aware that the number of verbal signs in modern English (as, indeed, in many others) is enormous, one can even say – infinite. Therefore, the author approaches the semantics and ways of expressing verbal signs in modern English from the position of those specially selected units that are a fragment of a certain concept of revealing their meanings. This position is proved by the entire course of the article. In connection with this approach, the present article is structured as follows: initially, the author’s attention is focused on such a fragment of the concept of revealing the meaning of a word, which is represented by the vocabulary of prohibition and permission, identified as antinomies of trust/ distrust. These are, of course, antonyms, and the example of this dichotomy shows the specific use of a number of verbal signs in the text in the form of several invariants. In some cases, when revealing the meanings of words, a coincidence with the main variant is recorded; in others, they diverge. According to the various options, both common points of contact and differences are shown. A successful find can be considered the appeal of the author of the article to the dissertation of E.Knyazeva, which differs in a certain scientific novelty from many other works. However, no copying is noticed here at all, and the theoretical propositions put forward by the scientist in this work for protection are interpreted independently. At the same time, relying on some excerpts from the abstract of the dissertation of Knyazeva, the author at the very end of the article makes appropriate generalizations about such a way of expressing verbal signs as time and space.

Key words: word, sign, paradigmatics, semiotics, significative, nominative, differentiation, integration, concretization, generalization, concept.